

Текст · 22 июля 2021, 08:41

Андрей Сивенок Анастасия Ясеницкая Алла Константинова Александр Бородихин,

«Помереть бы скорее, не смотреть на это безобразие». Ученые — о том, почему Россия все время горит

Деревья и животные

Около трети всех лесных пожаров приводят к тому, что на старом месте вырастают деревья других пород, говорит Евгений Пономарев, красноярский ученый, сотрудник Института леса имени Сукачева. Чтобы на территории сгоревшего соснового бора вновь начали расти сосны, должно пройти несколько десятков лет.

«Большая часть послепожарных территорий возобновляется через смену пород, — говорит Пономарев. — В сосняках, скорее всего, сначала будет возобновление лиственных древостоев: начнут расти осина, береза. И только после того, как поднимется вот этот новый древесный ярус, под ним возможно возобновление сосны. Это так называемые сукцессионные процессы. Это десятки лет — может быть, 50 лет или больше».

Часто пожары способствуют прорастанию семян конкретных пород и регулируют возрастной состав деревьев, продолжает ученый. Если деревья погибли частично, оставшиеся породы смогут рассеивать семена — и возобновление участка леса пойдет чуть быстрее. Примерно 30 лет должно пройти, чтобы на пожарище выросли березы, еще 30-50 лет уйдет на восстановление соснового леса.

«Вот и посчитайте: возраст человека, скажем, 80 лет, — рассуждает Пономарев. — Природа сама регулируется и умеет восстановиться: для нее этот период, грубо говоря, пустяковый. А человек за свою жизнь может этот лес больше никогда не увидеть».

За последние 25 лет площади пожаров в России растут, говорит ученый. Существует показатель «горимости территории», в России он — от 0,5 до единицы. «Один процент лесов — это серьезный показатель, на миллионы гектаров идет счет, — объясняет он. — Нам нужно не прозевать тот момент, когда мы в принципе уже не будем справляться с возрастающим количеством и площадями пожаров».

Животные больше всего страдают от низового огня, когда выгорает лесная подстилка и основания деревьев, рассказывает доктор биологических наук Александр Шишкин. Если звери и не сгорят в огне, то могут задохнуться. А если даже выживут — кормиться на пожарище им нечем и придется мигрировать.

«Погибает, в основном, молодняк, поскольку он затаивается и не уходит от огня, — говорит зоолог. — Кладки [яиц], иногда и капалухи — самки глухаря погибают. Огонь — это же такой неестественный фактор для них, у них нет защитной реакции к огню».

Уйти от огня животное может лишь на ограниченное расстояние, продолжает ученый. Зачастую звери вообще не покидают территорию, на которой они жили.

«Надо учитывать индивидуальный участок освоения животным, — говорит он. — У соболя, допустим, радиус освоения не больше трех-четырёх километров. Он просто не уйдет никуда со своей территории. И это, к сожалению, касается всех практически животных».

В России нет узаконенной системы подсчета природного ущерба от пожаров, говорит Шишкин. Понять, сколько животных погибло от огня, практически невозможно.

«Деловой ущерб еще можно посчитать: по лесоустроительным материалам, какой запас древесины [сгорел] — он весь, как правило, приходит в негодность, — говорит зоолог. — А экологический ущерб и ущерб животному миру, к сожалению, нет. Методики [подсчета], на которую можно было бы сослаться и которая была бы легитимной и в суде, нет. Разработки есть, конечно, но они не имеют юридической силы».

Шишкин считает, что в России намеренно не занимаются этой проблемой: «Она упирается в чиновничество, и вот тут начинается. Есть же другая сторона, которая не хочет, чтобы легализовали эти ущербы. Кому нужно, чтобы выставляли кому-то и платили?»

Пожар в карельском лесу. Фото: Мария Смирнова / Медиазона

Лесники, дороги и арендаторы

В России отсутствует инфраструктура и условия для скорейшего тушения пожаров, считает директор Института леса карельского научного центра РАН Александр Крышень. Он сравнивает Карелию со Скандинавией:

«В соседних с Карелией скандинавских странах лесные пожары практически полностью контролируются, — говорит он. — Связано это с густой сетью дорог и развитой инфраструктурой: к любому пожару можно подъехать на машине и потушить его».

Тем не менее, опыт Скандинавии вряд ли может пригодиться России, считает директор красноярского «Центра лесной пирологии» Роман Котельников: «Там все обустроено: везде есть дороги, быстренько увидели дымок — подъехали затоптали. А у нас совсем другие условия, громадная площадь, большие территории».

Александр Шишкин видит проблему пожаров в аренде леса, которая процветает в России. Он считает, что арендаторы не заботятся об участках и уж тем более их не тушат.

«Раньше у леспромхозов была своя арендная база, они приглашали лесхоз, профессионально отдавали и принимали лесосеку, сажали культуры или оказывали содействие — рассказывает он. — А сейчас берут они, допустим, аренду. За три-четыре года они вырубают [лес]. Пишут, конечно, проекты освоения — все бумаге остается. А потом они раз — и от аренды отказываются. И все. Им ничего не грозит абсолютно. Помереть бы скорее, не смотреть на это безобразие».

«Институт аренды лесных участков является ярким примером столкновения частных и публичных интересов», — [говорится](#) в одной из диссертаций на тему лесопользования. Действительно, для долгосрочного благополучия лесов необходимо сохранить баланс между интересами пользующегося участком предпринимателя и общественным интересом доступа к лесам и их безопасности. В [отчете](#) Счетной палаты об эффективности использования лесных ресурсов в России в 2016-2018 годах говорится, что сейчас арендаторов в основном интересуют леса для добычи древесины, причем они «самостоятельно принимают решение, на какой территории и когда проводить вырубки»; другие виды лесопользования «практически не получают развития». Сейчас, заключают аудиторы, лесные

ресурсы используются неэффективно: площадь участков в аренде составляет лишь 21% от общей площади лесов.

«Порядка 260 миллионов гектаров лесов переданы в аренду, поэтому ответственность арендаторов необходимо пересмотреть, — говорил в прошлом году тогдашний глава Рослесхоза Сергей Аноприенко. — Сейчас на них возложены обязательства по проведению противопожарных мероприятий на арендованных участках. При этом тушить пожары на вверенной им земле они не обязаны. Мы хотим урегулировать этот вопрос на законодательном уровне, соответствующий законопроект уже разработан и находится на согласовании».

К февралю соответствующие поправки утвердили: Лесной кодекс дополнили^[1] положением об обязанности арендаторов и прочих пользователей лесных участков помогать пожарным.

Пожары должны фиксировать лесники, говорит директор красноярского «Центра лесной пирологии» Роман Котельников. Но работать в этой отрасли почти никому.

«Надо, чтобы у работников лесничеств была и социальная защищенность, и зарплата [достойная], — считает Котельников. — Это существенно улучшило бы ситуацию с охраной лесов в том числе».

Евгений Пономарев согласен, что институты лесничества в регионах, пока их не упразднили^[2], действительно хорошо справлялись с функцией пожаротушения. Он пытается быть оптимистичным:

«Туда входили и подразделения противопожарной охраны, и техническое обеспечение, и достаточно широкая сеть специализированных аэропортов, чтобы задействовать авиационную технику для обнаружения пожаров, — говорит Пономарев. — Насколько я знаю, сейчас выделяют средства и у правительства есть какая-то стратегия восполнения всех тех потерь, которые понесла система противопожарной охраны лесов с тех времен. Наверное, это может вселять оптимизм, но важно не опоздать».

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Часть 2.1 статьи 53.4.
2. В 2000-х функции Федеральной службы лесного хозяйства перешли Минприроды, а Лесной кодекс 2006 года ликвидировал лесхозы и сократил число лесничих.